

ИСТОРИЯ КАК ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

И.И. Курилла

Аннотация. В статье ставится задача объяснения феномена политизации прошлого в современной России. Используя рамку социального конструктивизма, автор рассматривает конфликтующие взгляды на историю политиков и профессиональных историков и анализирует последствия подхода к историческому нарративу как к языку современной политики. История традиционно играет роль «социального клея» (выражение Э. Дюркгейма) для общества, однако обособление и автономизация исторической науки создало отдельное поле, в котором развиваются различные варианты нарративов прошлого, ведется научный диалог, вступающий в противоречие с мифологизированной и однозначной историей политиков. Опираясь на высказывания и публикации политических деятелей, а также на ответы со стороны исторического сообщества, автор показывает несовместимые требования к истории, выдвигаемые этими акторами. Сосредоточенность политиков на исторических примерах означает не опору на историю, а попытку подчинить ее своим сегодняшним задачам. Эта ситуация очень точно соответствует определению презентизма в работах Ф. Артога, таким образом, включая российскую ситуацию в мировой контекст «использования истории». Особенность России состоит именно в отказе от развития языка политики, место которого заняла история. В заключении автор отмечает разрушающее воздействие современной политизации на представления россиян о своем прошлом и постулирует необходимость развития отдельно от истории языка разговора о современных проблемах.

Ключевые слова: историческая политика, политизация истории, презентизм, язык исторической науки, политический язык, символическая политика, учебники истории.

HISTORY AS A LANGUAGE OF POLITICS

I.I. Kurilla

Abstract. The article sets out the task of explaining the phenomenon of politicization of the past in modern Russia. Using the framework of social constructivism, the author examines the conflicting views on the history of politicians and professional historians and analyzes the consequences of approaching historical narrative as the language of modern politics. History traditionally plays the role of “social glue” (E. Durkheim’s expression) for society, however, the isolation and autonomization of historical science have created a separate field in which various versions of narratives of the past develop, a scientific dialogue is conducted, which contradicts the mythologized and unambiguous history of politicians. Based on the statements and publications of politicians, as well as on the responses from the historical community, the author shows the incompatible demands for history put forward by these actors. The focus of politicians on historical examples does not mean reliance on history, but an attempt to subordinate it to their present tasks. This situation very accurately corresponds to the definition of presentism in the works of F. Hartog, thus including the Russian situation in the world context of “using history”. The peculiarity of Russia lies precisely in the refusal to develop the language of politics, which has been replaced by history. In conclusion, the author notes the destructive impact of modern politicization on the perceptions of Russians about their past and postulates the need to develop a language of conversation about contemporary problems separate from history.

Keywords: historical politics, politicization of history, presentism, the language of historical science, political language, symbolic politics, history textbooks.

БОИ ЗА ИСТОРИЮ

Современные «бои за историю» становятся как будто все ожесточеннее. История давно перестала быть уделом историков и государственных школ, а в последние годы стала одним из самых мощных политических орудий и, в то же время, полем битвы, желанным трофеем для разных социальных групп. В статье я предлагаю возможное объяснение этому феномену, основанное на анализе одной из ролей истории в обществе – роли языка, помогающего вести коммуникацию по поводу общественных проблем. Борьба за историю как борьба за однозначность этого языка позволяет понять некоторые аспекты современных исторических дебатов в мире, и, в особенности, в России.

ИСТОРИЯ ВМЕСТО ПОЛИТИКИ

Выступая на пресс-конференции по итогам первого официального визита государственного секретаря США Рекса Тиллерсона в Россию министр иностранных дел Российской Федерации (РФ) Сергей Лавров посетовал, что тот отказывался говорить об истории: «сегодня мы обсуждали исторические экскурсии, и Тиллерсон сказал, что он человек новый и предпочитает не копаться в истории, а заниматься сегодняшними проблемами. Однако мир устроен так, что если мы не извлекаем уроки из прошлого, то едва ли сможем преуспеть в настоящем». В продолжение этого пассажа Лавров пустился в рассуждение о «ситуациях, когда группа государств, прежде всего, страны Запада, члены НАТО были абсолютно зациклены на ликвидации того или иного диктатора». «Ради того, чтобы убрать президента бывшей Югославии С. Милошевича, НАТО в 1999 г. развязало войну в центре Европы», – сообщил российский министр, напомнив также об обосновании вторжения в Ирак, разрушении государственности в Ливии, разделе Судана. В заключение пресс-конференции Лавров снова вернулся к той же теме: «Надеюсь, что все-таки возобладают люди, которые извлекают уроки из истории» [Выступление и ответы на вопросы СМИ..., 2017].

Российский министр и раньше углублялся в историю (куда более давнюю, чем последние десятилетия), когда пробовал объяснить читателям резкую перемену курса внешней политики России. В своей статье опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике» весной 2016 г. он «высказал некоторые соображения в увязке с историческими примерами и параллелями», предложив читателям экскурс в тысячелетнюю историю России. Напомнив о Первой мировой войне, войне с Наполеоном, а также об освобождении Москвы от поляков в 1612 г., Сергей Лавров заключил, что «эти вехи недвусмысленно свидетельствуют об особой роли России в европейской и мировой истории» [Лавров, 2016]. Еще раньше к подобной стратегии прибегал его руководитель. В конце 2014 г. президент России Владимир Путин объяснял историей необходимость присоединения Крыма: «Крым для русских – я сейчас говорю именно об этой части

нашего многонационального народа — русских, о православных людях — имеет и некоторое сакральное значение. Ведь именно в Крыму, в Херсонесе, крестился князь Владимир, а потом крестил Русь. Изначально первичная купель крещения России — там» [Встреча с молодыми учеными..., 2014].

Не только государственные деятели прибегают к истории для разговора о политике. На бытовом уровне люди используют прошлое для обозначения своих политических предпочтений. Отношение к Сталину или к распаду СССР по-прежнему является более понятным маркером взглядов, чем отнесение человека к «либералам» или «консерваторам». Показательно, что ведущий социологический центр России — «Левада» — продолжает публиковать опросы людей об отношении к Сталину и другим деятелям прошлого, — на сайте организации по слову «Сталин» находится в два раза больше статей, чем по слову «демократия» [Левада].

В использовании истории для объяснения политики нет ничего нового. Обострение политических противоречий в любом обществе затрагивает и оценки деятелей и событий прошлого, как показала, например, кампания по сносу памятников рабовладельцам и работорговцам в США и Европе летом 2020 г. Однако в последнее время в России стало общим местом отмечать, что история окончательно заменила собой политику¹. В данной статье я попробую перейти от констатации к объяснению этой ситуации. Для этого нам понадобится опереться на традицию социального конструктивизма, с одной стороны, и на подходы к анализу «современного прошлого», предложенные французскими учеными Франсуа Артогом и Анри Руссо, с другой.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ В ЭПОХУ ПРЕЗЕНТИЗМА

Социальный конструктивизм постулировал решающую роль языка в формировании и эволюции представлений людей об окружающем мире. Лингвистический поворот в социальных науках в последней трети прошлого века показал, что именно язык формирует «разметку» общества, внутри которой живут и действуют люди. Питер Бергер и Томас Лукман в своей монографии «Социальное конструирование реальности» дали определение символическим процессам как «процессам сигнификации (обозначения), имеющим отношение к реальностям, отличным от реальностей повседневной жизни» [Бергер, Лукман, 1995, с. 65].

Одно из влиятельных направлений в исторической науке, часто называемое историей понятий, связано с именами немецкого ученого Р. Козеллека, в одной традиции, и британского историка К. Скиннера, в другой [Кембрижская школа..., 2018; Словарь основных исторических понятий..., 2014; Skinner, 1969; Россов, 2009]. В этой традиции также принято исходить из (не всегда прямо выраженного)

¹ Это не раз замечалось людьми, внимательно наблюдающими за политической сферой в России [см., например: Трудолюбов, 2016].

представления о том, что понятия, с помощью которых люди описывают общество, определяют характеристики их социального взаимодействия. В этом смысле данный подход может рассматриваться как разновидность социального конструктивизма.

При исследовании международных отношений этот подход помог увидеть, что различия в «разметке» мира формируют основы взаимного непонимания, когда важные в одной культуре понятия не находят соответствия в системе понятий другой, а их иерархии выстроены по-разному у разных народов. На этом подходе выстроена заметная часть постколониальных исследований, оперирующих введенным Эдвардом Саидом термином «ориентализм» [Саид, 2006, Said, 1979]. Приведенный в начале статьи фрагмент пресс-конференции С. Лаврова выглядит демонстрацией именно такого типа взаимного непонимания. Российский министр настаивает на важности истории для решения проблем современной политики, а его американский коллега отказывается с этим соглашаться.

Трансфер социальных практик из одного общества в другое сопровождается трансфером терминологии, либо приспособлением собственного языка для обозначения новых явлений. Можно сказать, что трансфер не состоялся, пока в языке не закрепился набор терминов, обозначающих новые практики, и одинаково понимаемых всеми носителями этого языка. Иногда в контексте такого процесса слова и термины подменяются. Похожее слово используется в ином значении, а для обозначения схожих понятий приходится изобретать другие слова.

Еще одной важной для меня теоретической основой является идея «презентизма», который в трудах Франсуа Артога обозначает современный «режим историчности», — ситуацию, сложившуюся в конце XX в., когда прошлое и будущее утратили свое самостоятельное значение, оказавшись подчиненными настоящему [Hartog, 2015]. Само слово появилось почти сто лет назад, но его значение в работах французского историка радикально изменилось. Если презентизм первой половины XX в. подчеркивал, что историки ищут в прошлом актуальность настоящего, то новый презентизм перевернул эту картину: новое поколение историков изучает прошлое в настоящем. Это настоящее становится самодостаточным и само постоянно «создает», конструирует такое прошлое и будущее, которое ему требуется.

Важным дополнением к этому пониманию презентизма стали работы Анри Руссо, использующего термин «непосредственное прошлое» (*instant past*) применительно к той истории, которая «еще не прошла», а является частью настоящего [Rouso, 2016]. По его мнению, это прошлое начинается с «последней катастрофы», которой для большинства европейских стран стали Вторая мировая война и Холокост (а для России, добавлю, еще и репрессии периода сталинского СССР).

Работы Артога и Руссо дополняют друг друга. Именно непосредственное прошлое, не позволяющее установить дистанцию между собой и современностью,

останавливает движение времени. Без «разницы потенциалов» настоящее перестает порождать прошлое, создавая культурную ситуацию, называемую Артогом «презентизмом». Частью этого процесса становится расширение использования языка истории для обозначения современных феноменов; оно оказывается одним из проявлений подчинения прошлого настоящему. История в этой картине мира интересна не сама по себе, а как материал для описания современности в удобных для современных политических сил метафорах, взятых из прошлого.

В самом деле, о прошлом, которое живо в настоящем, пишут все больше, — именно ему посвящены работы относительно молодой дисциплины «исследований памяти». Предметом ее изучения стали травмы прошлого, — война, Холокост, репрессии. В своей недавней книге «Кривое горе» Александр Эткинд показал, как память о сталинских репрессиях форматировала постсталинское советское и современное российское общество [Эткинд, 2016]. Один из ведущих историков этого направления Пьер Нора ввел в оборот концепцию «мест памяти», которыми могут стать памятники, праздники, эмблемы, книги, песни или географические точки, если они «окружены символической аурой» [Нора, 1999]. Память, в таком подходе, это прошлое, которое является частью настоящего, — то есть каким-то образом «живет» в настоящем и воздействует на него. Использование языка истории для обозначения политического настоящего разрушает дистанцию, необходимую для исторического исследования в классическом смысле. История становится частью настоящего, закрепляя презентизм современного режима историчности.

«СОЦИАЛЬНЫЙ КЛЕЙ» ДЛЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Чуть более ста лет назад социолог Эмиль Дюркгейм предложил метафору «социального клея» для обозначения тех сил (институтов), которые держат общество вместе. Стало привычно называть историю таким «социальным клеем», по меньшей мере, для российского общества. В самом деле, общая история — трагедии и достижения — помогает россиянам ощущать себя частью единой нации, и, можно предположить, в гораздо большей степени, чем это могут сделать другие возможные интеграторы — «общие ценности» или институты вроде церкви.

Но что означает эта метафора? Как именно работает история в качестве «социального клея»? С моей точки зрения, важнейшим механизмом является как раз постоянное использование истории в качестве языка разговора об обществе. Лингвистический поворот позволил увидеть в языке структуру нашего понимания социальной реальности. Структуры языка налагаются на реальность и определяют спектр, внутри которого возможны наши действия и оценки социальных ситуаций и феноменов. Таким образом, утверждение, что в России

история является «социальным клеем», означает, другими словами, что она используется здесь в качестве языка описания социальной реальности и для коммуникации на социально-политические темы, делая такую коммуникацию возможной.

История играла подобную роль на протяжении долгого времени. До появления собственно политических терминов и параллельно с развитием языка политики именно история предоставляла набор примеров и прецедентов, которые позволяли обсуждать политические явления. Лишь в XIX в. история и политология установили дисциплинарную границу, что сделало возможным разведение двух языков. К XX в. язык разговора о политическом был весьма развит, и во всем мире понимался одинаково. После 1917 г., однако, в России наступила эпоха господства марксизма-ленинизма, разработавшего собственный набор описаний общества и политики, а все альтернативные способы их описания были объявлены «буржуазными» и исчезли из употребления.

Вовсе не случайно главным учебником по общественным наукам времен Советского Союза стал «Краткий курс истории ВКП(б)», редактировавшийся лично Иосифом Сталиным. Коммунистические руководители страны вполне оценили значение истории для политической коммуникации в обществе, и позаботились о том, чтобы история всеми в стране понималась одинаково. Одновременно в стране терялось значение терминов языка политической науки. Сама эта наука отсутствовала, замененная в программах учебных заведений «научным коммунизмом». Политический анализ в тех институтах, где он еще сохранялся, был вынужден использовать исключительно марксистские термины.

Результатом нескольких десятилетий господства марксистско-ленинской идеологии на пространстве Советского Союза стала утрата общего с остальным миром языка анализа политических явлений. Прежде всего, произошла «порча понятий», соответствия которым в наблюдаемой внутри СССР реальности не находилось. В постсоветский период, когда разговор о политике перестал контролироваться государственной цензурой, порча продолжилась. Понятия стали восприниматься как ресурс, который необходимо было захватить. Так в России появилась «либерально-демократическая партия», не имевшая среди своих ценностей ни либерализма, ни демократии, так приобрели негативную окраску многие понятия мировой политики и политической науки.

В результате политический язык в России утратил способность описывать реальность. Именно этим объясняется вытеснение этого языка в узкопрофессиональный круг общения ученых-политологов и утрата им функций передачи политической информации и политических оценок в общество, оставшееся за пределами этого круга. Однако необходимость такого разговора не исчезла, и функции политического языка продолжил выполнять язык исторического описания. Кризис политического языка в России привел к возрождению роли истории как способа описания политики.

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ИСТОРИЯ, ЧТОБЫ СЛУЖИТЬ ЯЗЫКОМ ОПИСАНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ, И ПОЧЕМУ ОНА ТАКОВОЙ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ?

Однако попытка использования исторической науки в качестве языка описания современности содержит неустранимое противоречие. В естественных науках языком описания является математика, представляющая собой логически выстроенное здание, каждый элемент которого имеет уникальное значение и может быть обоснован с помощью системы строгих доказательств. Живые языки обладают меньшей строгостью, а значения слов обычно не строго ограничены, а также меняются со временем. История впервые использовалась как язык описания современности в тот период, когда само прошлое — его смысл и значение — казалось зафиксированным. То есть история обладала качествами, необходимыми для такого описания путем сравнения и отождествления. Однако сегодня история выглядит совершенно по-другому.

Историки знают, что любое историческое событие может быть интерпретировано с разных позиций. Источникам могут быть заданы разные вопросы и получены разные ответы. Современная история не знает единого нарратива, и потому кажущиеся политикам бесспорными «референтные точки» прошлого не могут служить однозначными терминами. В этом понимании коренился зародыш конфликта между политиками и историками.

Для того, чтобы в какой-то картине мира роль языковой «разметки» социальной реальности могла играть история¹, сами исторические события уже не должны оцениваться, но должны восприниматься застывшими и выполнять роль одинаково понимаемого участниками коммуникации коннотата. Другими словами, история-язык должна представлять как некий набор событий, который можно трактовать единственно возможным способом, и которые в силу этого можно использовать для описания (или оправдания) современной политики. Только в этом случае отсылка к какому-то событию или деятелю прошлого будет самодостаточной, станет означать для всех одно и то же, а коммуникация состоится.

Уже в советское время исторический язык потребовал первоначального структурирования нарратива для присвоения каждому вошедшему в нарратив событию или персонажу одинакового смысла. Так, Сталинградская битва стала символом героизма советских солдат, стратегического таланта полководцев и победы над захватчиком, тогда как блокада Ленинграда символизировала трагедию мирного населения. В результате темы трагедии мирных жителей Сталинграда и героизма советских солдат под Ленинградом оставались второстепенными, а то и маргинальными на протяжении существования Советского Союза. Декабристы символизировали самопожертвование и освободительный порыв против монархии, Иван Грозный — деспотическую власть, Петр I — власть реформаторскую.

¹ Т.е. когда исторические события принимаются за систему координат.

В период после распада советского нарратива понимание исторических символов стало рассыпаться. В учебники истории, наряду с каноническими, вошли, например, следующие оценки декабристов: «приди такие люди, как Пестель, к власти в России, страну постигли бы страшные несчастья. Русский историк М.А. Корф называл декабристов горсткой безумцев, чуждых нашей святой Руси» [Боханов, 2009, с. 67].

Однако лучше всего иллюстрирует отсутствие консенсуса по поводу прошлого ситуация, сложившаяся в России с памятниками, топонимией и праздниками, т.е. основными способами коммеморации прошлого. Сегодня в стране сохранилось огромное количество памятников В.И. Ленину и другим революционерам, однако их уже практически нет в центре Москвы, а в окрестностях Кремля их сменили памятники царям и православным историческим деятелям. Помимо этого, в разных городах страны поставлены памятники деятелям белого движения, например, А.В. Колчаку (а в Ростовской области на частном подворье стоит и памятник П.Н. Краснову). Орловские власти осенью 2016 г. установили у себя памятник Ивану Грозному, очевидно, вкладывая в него смысл, отличный от привычного. Советские улицы пересекаются с Успенскими, а праздники, отмечаемые 8 марта или 1 мая, уживаются с Пасхой и с Днем 4 ноября. В Волгограде несколько лет назад принято решение восемь раз в году (по памятным дням и воинским праздникам) использовать «Сталинград» как равнозначное наименование города¹.

Почти тридцать лет, прошедшие после распада Советского Союза и исчезновения государственной идеологии, не привели этот мемориальный ландшафт к единству. Его нынешнее состояние хорошо демонстрирует отсутствие единообразного подхода к прошлому страны, и, следовательно, невозможность употребления событий прошлого в качестве одинаково понятного всем россиянам «языкового кода».

Невозможность сказать что-то однозначное о революции 1917 года приводит к тому, что государство и политики удивительным образом по большей части сохранили молчание по поводу столетия этого события. История в их картине мира должна быть понимаема единственно возможным образом, — только в этом случае к ней можно обращаться для описания современности. Если же какое-то событие подобным образом использовать не получается, — к нему вообще лучше не обращаться.

ЕДИНЫЙ УЧЕБНИК КАК ПОПЫТКА ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЕДИНОГО ЯЗЫКА

Владимир Путин въехал в Кремль в канун 2000 г. с четким представлением о важности исторических символов². Он начал реконструировать российскую идентичность с утверждения «царского» флага и герба России и одновременно

¹ См. об этой проблеме подробнее: [Курилла, 2014].

² Интерес президента к истории отмечали многие наблюдатели [см., например: Hill, Gaddy, 2013, pp. 63–77].

подновленного «советского» гимна страны. Еще в должности и.о. президента в феврале 2000 г. Путин посетил Мамаев курган в Волгограде и стал активно использовать риторику обращения к «славному прошлому». Главными способами утверждения новой «официальной» интерпретации истории стал контроль над содержанием телевизионных программ, школьных учебников и мемориального пространства¹.

В этом же контексте надо вспомнить и эпопею с созданием «единого учебника» истории. В феврале 2013 г. президент В.В. Путин высказал озабоченность разным толкованием истории в российских регионах и предложил создать единые учебники истории России для средней школы. Такие учебники должны быть построены «в рамках единой концепции, в рамках единой логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех ее этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого». Разъясняя свое видение, президент фактически развил метафору «социального клея»: «Наша задача заключается в том, чтобы укрепить гармонию и согласие в многонациональном российском обществе, чтобы люди независимо от своей этнической, религиозной принадлежности осознавали себя гражданами единой страны»; «возможно, [...] единый учебник по российской истории решит эту проблему» [Заседание Совета по межнациональным отношениям, 2013].

Единый учебник должен был, очевидно, по мысли авторов идеи, создать единый набор исторических «мемов», опираясь на который власть и население могли бы продолжать разговор о политике. Эта инициатива встретила, однако, серьезное сопротивление историков [Курилла, 2013]. Сторонники и противники этой идеи обсуждали ее, прежде всего, как шаг на пути к введению государственной идеологии. Однако прямо высказанная интенция президента говорит о том, что речь шла именно о разном понимании важных событий в национальной истории в региональном историописании. Исторические фигуры и события, по-разному воспринимаемые в разных регионах страны, не могут служить референтными точками для донесения какой-либо (политической) идеи. Такая история не может служить языком описания современных проблем и не выполняет, таким образом, основной функции, приписываемой ей государственной властью.

Историки, однако, оказались удивительно единодушны в своем неприятии этой инициативы. Так, академик Валерий Тишков в своей записи в социальной сети Facebook сообщил, что знает две попытки создания единого учебника истории, в 1934 г. и в 1949 г., и что в своей должности академика-секретаря Отделения истории РАН «не хотел бы поощрять третью попытку» [Тишков, 2013]. Академик Александр Чубарьян при обсуждении «единого учебника» попробовал переопределить задачи историков в свете президентской инициативы. Вместо планирования

¹ Борьба с «неправильными учебниками» началась с постановлений властей отдельных регионов о запрете преподавания новейшей истории по учебнику А.А. Кредера в 1997 г. [Рачкова, Даньшин, 1997]. В 2001 г. тема «неправильных учебников» впервые оказалась поднятой премьер-министром России Михаилом Касьяновым [Данилевский, 2001]. Но со второй половины 2000-х гг. тема критики школьного учебника истории получила постоянное место в выступлениях В.В. Путина и Д.А. Медведева.

«единого учебника» он заговорил о том, что процесс его подготовки займет долгое время, и что «нужно воспользоваться ситуацией для постановки вопроса исторического образования в школе в целом» [Александр Чубарьян..., 2013].

Директор же Института российской истории РАН Юрий Петров подчеркнул, что «единый не значит единственный» [Лемуткина, 2013]¹. Ушедший в отставку с поста директора ИРИ РАН академик Андрей Сахаров также высказался против единого учебника: «К созданию единого учебника истории я отношусь отрицательно, потому что считаю, что у учителя должен быть пусть и небольшой, но выбор того, как преподавать. Спорные вопросы, вариации оценки, точки зрения — все это должно быть представлено. А в едином учебнике все это будет нивелировано, а после и вовсе сведется к нулю. Такого не должно быть» [Россия без Путина..., 2013]. Наиболее откровенно выступил тогдашний директор Института научной информации по общественным наукам РАН академик Юрий Пивоваров: «В общем и целом, наша историческая наука — это не самое худшее, что есть в нашем обществе. Там есть люди, которые понимают свою ответственность перед обществом. ...хотя, в целом мне все это не нравится» [Ученые хитрее идеологов..., 2013].

Конечно, среди тысяч российских историков есть те, кто был готов поддержать призыв к единообразию исторических нарративов. Однако показательной является позиция лидеров сообщества, академиков РАН². Сопrotивление историков введению единого учебника привело к тому, что инициатива остановилась на разработке историко-культурного стандарта, — разнообразие учебников уменьшилось, но не исчезло.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКОВ

Использование истории как языка разговора о политике привело, однако, к серьезным проблемам для историков, продолжающих анализировать прошлое в рамках своих профессиональных конвенций, которые для окружающего мира звучат как рассуждения о политике. Историки ведь используют тот же самый язык, что и политики, — а значит, сказанное (написанное) ими легко может быть понято как высказывание на политическую тему. При этом сами историки не воспринимают свое предметное поле как язык. Оно видится им, скорее, как диалог с прошлым.

Обнаружив, что история в понимании современных историков, ставит под сомнение любой дорогой политикам исторический миф, власть попыталась убедить историков прекратить публичные выступления и оставить исторический язык для

¹ Любопытно, что негативно по поводу «единого учебника» ранее высказывался и Александр Филиппов, автор школьного учебника, вызвавшего в свое время резкую критику [Филиппов, 2010].

² Безусловно, в исторической науке есть и «неформальные авторитеты», не носящие академического звания; однако критерии их выявления (например, рейтинги цитирования) оспариваются, а главное, у автора нет оснований полагать, что мнение «неформальных авторитетов» по вопросам взаимодействия исторического сообщества с «историей политиков» будет качественно другим.

политического использования. Дмитрий Медведев, будучи президентом, говорил, что «учёные-историки» могут «сесть где-то в тиши кабинета, в библиотеке и посмотреть, вот есть одна записка, вот есть вторая записка, вот есть исторический документ из МИДа. ...учёные пусть пишут, что хотят, но учебники, общедоступные средства массовой информации всё-таки по таким событиям должны придерживаться общепринятой точки зрения» [Встреча с пенсионерами и ветеранами, 2011]. Один из ведущих представителей исторической политики в России председатель Российского военно-исторического общества и бывший министр культуры Владимир Мединский прямо призывал поддерживать мифы, а не историю, потому что люди, по его мнению, живут в пространстве мифов: «Любое историческое событие, завершившись, становится мифом — положительным или отрицательным. Это же можно отнести и к историческим личностям. Наши руководители госархивов должны вести свои исследования, но жизнь такова, что люди оперируют не архивными справками, а мифами. Справки могут эти мифы упрочить, разрушить, перевернуть с ног на голову. Ну а общественное массовое сознание всегда оперирует мифами, в том числе и в отношении истории, поэтому относиться к этому нужно трепетно, бережно, осмотрительно» [Памятники культурного наследия..., 2016].

Иными словами, именно мифологизированная история позволяет говорить о политике предельно понятными и простыми словами. Мифы, в понимании Мединского, и являются теми базовыми понятиями «исторического языка», которые можно использовать в политических целях (в том числе — для обращения к «общественному массовому сознанию»).

Еще один российский политический деятель министр Евразийской экономической комиссии и бывший советник президента Сергей Глазьев в статье, опубликованной в сентябре 2020 г., призвал отбросить «существующие исторические мифы» и опереться на «новую хронологию» академика Фоменко, которая, по его мнению, «дает хорошую логическую основу для восстановления исторической памяти Русского мира» [Глазьев, 2020].

Историки не услышали странного призыва к самоцензуре от Д.А. Медведева, а откровения В. Мединского сделали его в глазах профессионалов главным олицетворением политизации истории. Примерно в это же время вольное обращение Мединского с источниками в защищенной им докторской диссертации по историческим наукам стало поводом для заявления о лишении его ученой степени, подписанного учеными-активистами [Публикации]. На статью С. Глазьева пришлось коллективно отвечать историкам-академикам, директорам институтов РАН [Тишков, Карпов и др., 2020].

Более того, в 2014 г. обеспокоенные судьбой исторического знания перед лицом нарастающего давления на их предметное поле со стороны государства и политиков историки создали «Вольное историческое общество», пытающееся парировать наиболее опасные притязания властей на контроль над историей [Вольное историческое общество]. В этих условиях государство, в свою очередь, озаботилось

более жестким контролем за тем отрезком истории, который наиболее важен для российского общества, и который служит источником референтных точек, наиболее насыщенных эмоциональным содержанием, и потому в меньшей степени подверженным критическому переосмыслению.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК КАНОН: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ

Существует историческое событие, оценки которого разделяются большинством россиян, и государство старается удержать свой контроль над единообразием его трактовок. Это период Великой Отечественной войны. На протяжении полутора десятилетий начиная с 2000 г. Кремль использовал память о Великой Отечественной войне как основной ресурс для «склеивания» общества и для поддержания собственной легитимности как главного хранителя этой памяти¹. И этот подход эффективно работал. Война, в самом деле, оставалась важнейшей социализирующей россиян точкой, а ключевые события и действующие лица Великой Отечественной понимались подавляющим большинством жителей страны одинаковым образом. Герои оставались героями, власовцы – предателями, Сталинградская битва – символом победы, а блокада Ленинграда – символом героизма и трагедии мирных жителей.

Именно стремлением удержать в неизменности нарратив Второй мировой войны можно объяснить «войны памяти», развернувшиеся между Россией и ее соседями в первом десятилетии нового века, когда в странах Балтии и Центральной Европы начался пересмотр старых трактовок. Такое переосмысление лишает содержания самую «сильную» часть исторических аллюзий [Курилла, 2015].

Единообразие в понимании истории Великой Отечественной войны делает ее самым удобным языком для использования государством. Сильная эмоциональная составляющая памяти о войне позволяет использовать элементы этой истории в пропаганде, формировать ярлыки и описывать современные реалии с помощью понятий 1940-х гг. Так, например, понятие «нацизм» имеет очень сильные негативные коннотации, и с его помощью можно донести до партнера в коммуникации свой мессидж, описав оппонента как нациста или Гитлера.

Однако на деле оказалось, что такое использование истории имеет свои пределы. В 2014 г. российская пропаганда решилась на радикальное использование исторического языка для оправдания политики Кремля. Новости с востока Украины стали подаваться с использованием слов и терминов Великой Отечественной: «каратели», «нацисты», «ополченцы». Важнейший символический ресурс языка

¹ Конечно, память о Великой Отечественной войне использовалась государством, по меньшей мере, с 1960-х гг., однако основой официальной идеологии оставался коммунизм. Теперь же война заняла монопольное место в качестве государственной идеологии.

был брошен в топку украинского конфликта. Лексика Великой Отечественной, понятия, резонирующие в памяти любого россиянина, стали разменной монетой пропаганды. «Каратели», «фашисты», «нацисты» — применительно к украинской армии. «Ополченцы» — к стороне, которую поддержал Кремль. Эта лексика ушла на задний план с началом замораживания конфликта, но осталась в арсенале пропагандистов.

В апреле 2017 г. в сети интернет распространялся видеоролик, в котором оппозиционного политика Алексея Навального сравнивали с Адольфом Гитлером. Анонимные источники телеканала «Дождь» связали его появление с заказом президентской администрации [Навального на Youtube..., 2017]. Формула «Борются примерно как с Гитлером», использованная собеседником журналистов оказалась буквальной, и стала еще одним примером использования исторического языка в современной политической борьбе [Кремль решил начать кампанию, 2017]. Однако этот ролик был воспринят аудиторией негативно. Такого рода узнаваемый негативный образ оказалось трудно приложить к уже известным политикам.

Важно отметить, что язык Второй мировой войны используют не только российские политики. Так, президент США Джордж Буш-младший в начальный период «войны с террором» после терактов 11 сентября 2001 г. объявил террористов «наследниками фашизма», затем сравнивал режим Саддама Хусейна с нацистами. Пресс-секретарь Белого дома уже при президенте Дональде Трампе Шон Спайсер сравнивал с Гитлером президента Сирии Башара Асада (после химической атаки в начале апреля 2017 г. он заявил, будто «даже Гитлер такого не делал» и был потом вынужден извиняться и исправлять себя [Sean Spicer..., 2017]).

Американский историк Дэвид Нун совершенно правильно отмечал, что «аналогии Второй мировой войны используются администрацией Буша не столько для описания и классификации международных угроз, таких как Аль-Каида или Ирак, но гораздо в большей степени — для того, чтобы воодушевить американское общество и легитимировать свое руководство, заново артикулировать знакомые иконы национальной идентичности» [Noon, 2004]. Российский случай отличается от описанного тем, что аналогии Второй мировой войны и других исторических событий в самом деле становятся описанием и классификацией современных угроз.

Тем временем, власть перешла от убеждения к давлению на собственных историков. Непосредственная угроза нависла прежде всего над теми учеными, кто изучает историю Второй мировой войны. Государство недвусмысленно заявило о своем праве на контроль над историческим нарративом. В мае 2014 г. Государственная Дума Российской Федерации приняла поправку к Уголовному кодексу, в результате которой в УК была внесена статья 354.1 «Реабилитация нацизма». В соответствии с этой статьей «реабилитацией нацизма» было предложено считать, помимо прочего, «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой

Отечества», а также «осквернение символов воинской славы России, совершенных публично» [Федеральный закон..., 2014]. Нетрудно увидеть, что под «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны» могут подпасть историки, чьи труды подвергают сомнению устоявшиеся представления о войне. Поскольку без сомнений науки не бывает, можно сказать, что изучение Второй мировой войны оказалось в сегодняшней России затруднительным. Подтверждение этим опасениям не замедлило появиться.

В марте 2016 г. в Санкт-Петербургском Институте истории РАН состоялась защита докторской диссертации Кирилла Александрова. Темой диссертации был «Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.»¹. Видимо, в силу этого обстоятельства, процедуру защиты решили посетить представители общественности, обвинявшие диссертанта и совет в «реабилитации Власова» [Кузнецова, 2016]. Это был яркий пример принятия исторического текста за политический. После того, как диссертационный совет проголосовал за присуждение автору степени, политические активисты продолжили давление уже на Высшую аттестационную комиссию, и та направила диссертацию фактически на повторную защиту в Академию Генерального штаба, диссовет которой спустя год после защиты в Петербурге проголосовал против. Комментарии в прессе не оставляли сомнений в политизации процедуры этой защиты [Спасет ли ВАК..., 2017].

Последним по времени на момент написания статьи (но, очевидно, далеко не последним в этой практике) примером подхода к историческим нарративам как к языку, на котором говорит политика, стало очередное обострение конфликта между Россией и Польшей в связи с трактовкой начала Второй мировой войны и роли Германии и Советского Союза. 19 сентября 2019 г. Европейский парламент проголосовал за резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», в которой возложил ответственность за начало войны не только на Германию, но и на СССР, а также назвал войну схваткой «двух тоталитаризмов» [European Parliament..., 2019]. В ответ на это российский президент Владимир Путин посвятил несколько своих выступлений подряд в конце 2019 г. разговору об общей вине европейских политиков 1930-х гг. за начало мировой войны [Неформальный саммит СНГ, 2019; Встреча с руководством палат Федерального Собрания, 2019], а позже подготовил и опубликовал историческую статью на эту тему [Путин, 2020]. Очевидно, что и в этом споре разговор о прошлом является формой проявления современного конфликта.

Нельзя не заметить и того, что самой массовой кампанией последних лет, в которой участвовали миллионы людей по всей России, стали демонстрации

¹ Речь идет о созданном генералом А. Власовым при поддержке Германии комитете, претендовавшем на роль главной анти-большевистской силы в русской эмиграции и правительства в изгнании. Осуществлял политическое руководство вооруженными силами, состоявшими в основном из бывших советских военнопленных и частично эмигрантов, и воевавшими на стороне Германии.

«Бессмертного полка», в котором россияне проносят по улицам городов портреты своих дедов и прадедов, воевавших в Великую Отечественную. С моей точки зрения, это попытка людей выразить свою политическую субъектность на том единственном языке, который им оставила власть, — на языке разговора о Великой Отечественной войне.

Такая безудержная инструментализация истории опасна как для исторической профессии (которую кто-то, не разобравшись, может опять причислить к ведомству пропаганды), так и для общества в целом. В долгосрочной перспективе эта борьба лишает важного содержания и саму политическую коммуникацию: ей, очевидно, не хватает собственных терминов, а также идей и ценностей, способных играть роль референтов без отсылок к фигурам и событиям прошлого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внесение в 2020 г. в Конституцию России статьи 67(1), гласящей, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» стало символическим шагом, приравнявшим историческое высказывание к политическому действию. Понятие «исторической правды», конечно же, взято не из арсенала историков, — это политическая проекция желания поддержать единственный нарратив прошлого, однозначность языка, с помощью которого осуществляется политическая коммуникация в России.

Сосредоточенность российских политиков в их публичных выступлениях и текстах на исторических примерах означает не опору на историю, а попытку подчинить ее своим сегодняшним задачам. Эта ситуация очень точно соответствует определению презентизма в работах Артога, таким образом, включая российскую ситуацию в мировой контекст «использования истории». Особенность России состоит именно в отказе от развития языка политики, место которого заняла история.

Нельзя не отметить и разрушающее воздействие современной политизации на представления россиян о своем прошлом. Постоянно используя аналогии между современными событиями и прошлым, политики добиваются не только изменения представлений о современности в нужном им ключе, но и заставляют людей переносить свои сомнения в однозначности современных оценок на события прошлого. Так, можно предположить, что в результате бездумного использования в антиукраинской агитации резонирующих понятий Великой Отечественной пострадала именно память о той, главной войне.

Без развития особого, отдельного от истории, языка разговора о политическом ситуации вряд ли изменится. Роль исторического образования состоит в этом контексте в том, чтобы восстановить дистанцию между «сегодня» и «вчера», вернуть прошлому его автономию, а исторической науке — право на ее язык.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Александр Чубарьян – о едином учебнике истории России // *ТВ Культура*. 4 марта 2013 г. URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/79561 (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.

Боханов А.Н. История России. XIX век: учеб. для 8 класса. М.: Русское слово, 2009. 317 с.

Вольное историческое общество. URL: <http://www.volistob.ru> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Встреча с молодыми учеными и преподавателями истории // *Президент России*. URL: <http://kremlin.ru/news/46951> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Встреча с пенсионерами и ветеранами // *Президент России*. 17 ноября 2011 г. URL: <http://kremlin.ru/news/13555> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Встреча с руководством палат Федерального Собрания // *Президент России*. 24 декабря 2019 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62404> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Государственным секретарем США Р. Тиллерсоном, Москва, 12 апреля 2017 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2725629 (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Глазьев С. Духовность – категория экономическая // *Военно-промышленный курьер*. ВПК. 15 сентября 2020 г. URL: <https://vpk-news.ru/articles/58661> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Данилевский И.Н. От Гостомысла до Касьянова // *Независимая газета*. *Ex-libris*. 6 сентября 2001 г. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2001-09-06/1_kasynov.html (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Заседание Совета по межнациональным отношениям. 19 февраля 2013 г. // *Президент России*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17536> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. Под общ. ред. Т. Атнашева и М. Велижева. М.: НЛО, 2018. 632 с.

Кремль решил начать кампанию против Навального // *Дождь*. 18 апреля 2017 г. URL: https://tvrain.ru/news/kreml_nachinaet_kampaniju_protiv_naivalnogo-432692/ (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Кузнецова Е. Защита с генералом Власовым // *Фонтанка.ру*. 2 марта 2016 г. URL: <http://www.fontanka.ru/2016/03/01/173/> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Курилла И.И. Лоскутное одеяло истории, или историческое сообщество в эпоху политизации его академического поля // *Ab Imperio*. 2013. № 2. С. 298–326.

Курилла И.И. Перед судом – история: Вторая мировая война в европейской памяти XXI века // *Россия в глобальной политике*. 2015. № 5. С. 90–100.

Курилла И.И. Сталинград по праздникам: неустойчивый хронотоп постсоветского общества // *Гефтер.ру*. 07 ноября 2014 г. URL: <http://gefter.ru/archive/13457> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Лавров С.В. Историческая перспектива внешней политики России: Размышления на новом этапе международного развития // *Россия в глобальной политике*. 2016. № 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18019> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Левада. URL: www.levada.ru (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Лемуткина М. Единый учебник истории придет в школы уже через пару лет // *Московский комсомолец*. 4 марта 2013 г. URL: <http://www.mk.ru/social/education/article/2013/03/04/821219-edinyiy-uchebnik-istorii-pridet-v-shkolyi-uzhe-cherez-paru-let.html> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Навального на YouTube назвали Гитлером. Теперь все пытаются придумать доказательства // *Медуза*. 19 апреля 2017. URL: <https://meduza.io/shapito/2017/04/19/navalnogo-na-yutube-nazvali-gitlerom-teper-vse-pytayutsya-privumat-dokazatelstva> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Неформальный саммит СНГ // *Президент России*. 20 декабря 2019 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62376> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Нора П. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325 с.

Памятники культурного наследия – стратегический приоритет России // *Известия*. 22 ноября 2016 г. URL: <https://iz.ru/news/646402> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Публикации (Ссылки на развитие ситуации с рассмотрением диссертации В. Мединского и комментарии журналистов). URL: <https://www.dissnet.org/publications/theme/medinskij/> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // *Президент России*. 19 июня 2020 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Рачкова О., Даньшин В. Учебник новейшей истории попал в историю // *Коммерсантъ*. 31 октября 1997 г. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/186904> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Россия без Путина: единый учебник истории «приведет страну к Китаю» // *РБК*. 18 июня 2013 г. URL: <http://top.rbc.ru/viewpoint/18/06/2013/862242.shtml> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.

Словарь основных исторических понятий: избранные статьи. Под ред. Р. Козеллека. В 2-х т. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Спасет ли ВАК Россию от предателей? Историк-власовец Кирилл Александров может не получить степени доктора // *Версия на Небе*. 27 марта 2017 г. URL: <https://neva.versia.ru/istorik-vlasovec-kirill-aleksandrov-mozhet-ne-poluchit-stepen-doktora> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Тишков В.А., Карпов С.П., Липкин М.А., Петров Ю.А., Сиренов А.В. О статье С.Ю. Глазьева «Духовность – категория экономическая» // *Отделение историко-филологических наук Российской академии наук*. URL: <http://hist-phil.ru/events/401/> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Тишков В.А. Запись в Фейсбуке В.А. Тишкова от 27 февраля 2013 г. // URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=344482752337752&id=100003280900276 (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Трудолюбов М. Наша политика – история // *Ведомости*. 30 сентября 2016 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2016/09/30/659099-nasha-politika> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Ученые хитрее идеологов. Историк Пивоваров считает, что единый учебник истории удивит заказчиков // *Дождь*. 17 июня 2013 г. URL: http://tvrain.ru/articles/uchenye_hitree_ideologov_istorik_pivovarov_schitaet_chno_edinyj_uchebnik_istorii_udivit_zakazchikov-345914/ (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Российская газета*. 7 мая 2014 г. URL: <https://rg.ru/2014/05/07/reabilitacia-dok.html> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Филиппов А. Аудиозапись радиопрограммы «Своя правда» 18 ноября 2010 г. URL: http://www.moskva.fm/stations/FM_107.0/programs/%D1%81%D0%B2%D0%BE%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B4%D0%B0/2010-11-18_19:00 (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.

European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Hartog F. *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*. New York: Columbia University Press, 2015. 288 p.

Hill F., Gaddy C. *Mr. Putin: Operative in the Kremlin*. Washington: Brookings Institution Press, 2013. 390 p.

Noon D.H. Operation Enduring Analogy: World War II, the War on Terror, and the Uses of Historical Memory // *Rhetoric and Public Affairs*. 2004. Vol. 7. № 3. Pp. 339–364.

Pocock J.G.A. *Political Thought and History: Essays on Theory and Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 278 p.

Rousso H. *The Latest Catastrophe: History, the Present, the Contemporary*. Chicago: University of Chicago Press, 2016. 272 p.

Said Edward W. *Orientalism*. Knopf Doubleday, 1979. 368 p.

Sean Spicer apologizes for «even Hitler didn't use chemical weapons» gaffe // *The Guardian*. April 11, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/apr/11/sean-spicer-hitler-chemical-weapons-holocaust-assad> (дата обращения – 18 января 2021 г.).

Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. 1969. Vol. 8. No 1. Pp. 3–53.

REFERENCES

Aleksandr Chubar'yan – o edinom uchebnike istorii Rossii [Alexander Chubaryan – about a single textbook of the history of Russia], in *TV Kul'tura*. March 4, 2013. Available at: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/79561 (accessed 18 January 2021).

Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Mosk. filos. fond, 1995. 322 p. (in Russian).

Bokhanov A.N. *Istoriya Rossii. XIX vek: ucheb. dlya 8 klassa* [Russian history. XIX century: textbook for grade 8]. Moscow: Russkoe slovo, 2009. 317 p. (in Russian).

Vol'noe istoricheskoe obshchestvo [Free Historical Society]. Available at: <http://www.volistob.ru> (accessed 18 January 2021).

Vstrecha s molodymi uchenymi i prepodavatelyami istorii [Meeting with young scientists and history teachers], in *Prezident Rossii*. November 5, 2014. Available at: <http://kremlin.ru/news/46951> (accessed 18 January 2021).

Vstrecha s pensionerami i veteranami [Meeting with pensioners and veterans], in *Prezident Rossii*. November 17, 2011. Available at: <http://kremlin.ru/news/13555> (accessed 18 January 2021).

Vstrecha s rukovodstvom palat Federal'nogo Sobraniya [Meeting with the leadership of the chambers of the Federal Assembly], in *Prezident Rossii*. December 24, 2019. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/62404> (accessed 18 January 2021).

Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova v khode sovmestnoi press-konferentsii po itogam peregovorov s Gosudarstvennym sekretarem SShA R. Tillersonom [Speech and answers to media questions by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov during a joint news conference following talks with US Secretary of State R. Tillerson]. Moscow, April 12, 2017. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2725629 (accessed 18 January 2021).

Glaz'ev S. Dukhovnost' – kategoriya ekonomicheskaya [Spirituality – an economic category], in *Voенно-promyshlennyy kur'er. VPK*. September 15, 2020. Available at: <https://vpk-news.ru/articles/58661> (accessed 18 January 2021).

Danilevskii I.N. Ot Gostomysla do Kas'yanova [From Gostomysl to Kasyanov], in *Nezavisimaya gazeta. Ex-libris*. September 6, 2001. Available at: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2001-09-06/1_kasynov.html (accessed 18 January 2021).

Zasedanie Soveta po mezhnatsional'nym otnosheniyam [Meeting of the Council for Interethnic Relations], in *Prezident Rossii*. February 19, 2013. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/17536> (accessed 18 January 2021).

Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Ed. by T. Atnasheva, M. Velizheva. Moscow: NLO, 2018. 632 p. (in Russian).

Kreml' reshil nachat' kampaniyu protiv Naval'nogo [The Kremlin decided to launch a campaign against Navalny], in *Dozhd'*. April 18, 2017. Available at: https://tvrain.ru/news/kreml_nachinaet_kampaniju_protiv_navalnogo-432692/ (accessed 18 January 2021).

Kuznetsova E. Zashchita s generalom Vlasovym [Protection with General Vlasov], in *Fontanka.ru*. March 2, 2016. Available at: <http://www.fontanka.ru/2016/03/01/173/> (accessed 18 January 2021).

Kurilla I.I. Loskutnoe odeyalo istorii, ili istoricheskoe soobshchestvo v epokhu politizatsii ego akademicheskogo polya [Patchwork quilt of history, or the historical community in the era of politicization of its academic field], in *Ab Imperio*. 2013. No 2. Pp. 298–326 (in Russian).

Kurilla I.I. Pered sudom – istoriya: Vtoraya mirovaya voyna v evropeiskoi pamyati XXI veka [Before the court – history: World War II in the European memory of the XXI century], in *Rossiya v global'noi politike*. 2015. No 5. Pp. 90–100 (in Russian).

Kurilla I.I. Stalingrad po prazdnikam: neustoichiviy khronotop postsovetского obshchestva [Stalingrad on Holidays: An Unstable Chronotope of Post-Soviet Society], in *Gefter.ru*. November 7, 2014. Available at: <http://gefter.ru/archive/13457> (accessed 18 January 2021).

Lavrov S.V. Istoricheskaya perspektiva vneshnei politiki Rossii: Razmyshleniya na novom etape mezhdunarodnogo razvitiya [Historical perspective of Russian foreign policy: Reflections on a new stage of international development], in *Rossiya v global'noi politike*. 2016. No 2. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18019> (accessed 18 January 2021).

Levada. Available at: www.levada.ru (accessed 18 January 2021).

Lemutkina M. Edinyi uchebnik istorii pridet v shkoly uzhe cherez paru let [A single history textbook will come to schools in a couple of years], in *Moskovskii komsomolets*. March 4, 2013. Available at: <http://www.mk.ru/social/education/article/2013/03/04/821219-edinyiy-uchebnik-istorii-pridet-v-shkoly-uzhe-cherez-paru-let.html> (accessed 18 January 2021).

Naval'nogo na YouTube nazvali Gitlerom. Teper' vse pytayutsya pridumat' dokazatel'stva [Navalny was named Hitler on YouTube. Now everyone is trying to come up with evidence], in *Meduza*. April 19, 2017. Available at: <https://meduza.io/shapito/2017/04/19/navalnogo-na-yutube-nazvali-gitlerom-teper-vse-pytayutsya-pridumat-dokazatel'stva> (accessed 18 January 2021).

Neformal'nyi sammit SNG [Informal CIS Summit], in *Prezident Rossii*. December 20, 2019. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/62376> (accessed 18 January 2021).

Nora P. *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. St. Petersburg.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1999. 325 p. (in Russian).

Pamyatniki kul'turnogo naslediya – strategicheskii prioritet Rossii [Monuments of cultural heritage – a strategic priority of Russia], in *Izvestiya*. November 22, 2016. Available at: <https://iz.ru/news/646402> (accessed 18 January 2021).

Publikatsii (Ssylki na razvitie situatsii s rassmotreniem dissertatsii V. Medinskogo i kommentarii zhurnalistov) [Publications (Links to the development of the situation with the consideration of V. Medinsky's thesis and comments of journalists)]. Available at: <https://www.dissnet.org/publications/theme/medinskij/> (accessed 18 January 2021).

Putin V.V. 75 let Velikoi Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriei i budushchim [75 years of the Great Victory: shared responsibility before history and the future], in *Prezident Rossii*. June 19, 2020. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (accessed 18 January 2021).

Rachkova O., Dan'shin V. Uchebnik noveishei istorii popal v istoriyu [he textbook of modern history has fallen into history], in *Kommersant*. October 31, 1997. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/186904> (accessed 18 January 2021).

Rossiya bez Putina: edinyi uchebnik istorii "privedet stranu k Kitayu" [Russia without Putin: a single history textbook "will lead the country to China"], in *RBK*. June 18, 2013. Available at: <http://top.rbc.ru/viewpoint/18/06/2013/862242.shtml> (accessed 18 January 2021).

Said E.V. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East]. St. Petersburg.: Russkii mir, 2006. 636 p. (in Russian).

Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii: izbrannye stat'i [Dictionary of basic historical concepts: selected articles]. Ed. by R. Kozelleka. In 2 vol. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014 (in Russian).

Spaset li VAK Rossiyu ot predatelei? Istorik-vlasovets Kirill Aleksandrov mozhet ne poluchit' stepeni doktora [Will VAK save Russia from traitors? Historian-Vlasovite Kirill Alexandrov may not receive a doctorate], in *Versiya na Neve*. March 27, 2017. Available at: <https://neva.versia.ru/istorik-vlasovec-kirill-aleksandrov-mozhet-ne-poluchit-stepen-doktora> (accessed 18 January 2021).

Tishkov V.A., Karpov S.P., Lipkin M.A., Petrov Yu.A., Sirenov A.V. O stat'e S.Yu. Glaz'eva "Dukhovnost' – kategoriya ekonomicheskaya" [About the article by S.Yu. Glazyev "Spirituality is an economic category"], in *Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk Rossiiskoi akademii nauk*. Available at: <http://hist-phil.ru/events/401/> (accessed 18 January 2021).

Tishkov V.A. *Zapis' v Feisbuke V.A. Tishkova ot 27 fevralya 2013 g.* [Facebook entry V.A. Tishkov dated February 27, 2013]. Available at: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=3444482752337752&id=100003280900276 (accessed 18 January 2021).

Trudolyubov M. Nasha politika – istoriya [Our policy is history], in *Vedomosti*. September 30, 2016. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2016/09/30/659099-nasha-politika> (accessed 18 January 2021).

Uchenye khitree ideologov. Istorik Pivovarov schitaet, chto edinyi uchebnik istorii udivit zakazchikov [Scientists are more cunning than ideologists. Historian Pivovarov believes that a single history textbook will surprise customers], in *Dozhd'*. June 17, 2013. Available at: http://tvrain.ru/articles/uchenye_hitree_ideologov_istorik_pivovarov_schitaet_chto_edinyj_uchebnik_istorii_udivit_zakazchikov-345914/ (accessed 18 January 2021).

Federal'nyi zakon ot 5 maya 2014 g. № 128-FZ "O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii" [Federal Law of May 5, 2014 No 128-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"], in *Rossiiskaya gazeta*. May 7, 2014. Available at: <https://rg.ru/2014/05/07/reabilitacia-dok.html> (accessed 18 January 2021).

Filippov A. *Audiozapis' radioprogrammy "Svoya Pravda" 18 noyabrya 2010 g.* [Audio recording of the radio program "Svoya Pravda". November 18, 2010]. Available at: http://www.moskva.fm/stations/FM_107.0/programs/%D1%81%D0%B2%D0%BE%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B4%D0%B0/2010-11-18_19:00 (accessed 18 January 2021).

Etkind A. *Krivoe gore: Pamyat' o nepogrebennykh* [Crooked Mountain: Memory of the Unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 328 p. (in Russian).

European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed 18 January 2021).

Hartog F. *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time.* New York: Columbia University Press, 2015. 288 p.

Hill F., Gaddy C. *Mr. Putin: Operative in the Kremlin.* Washington: Brookings Institution Press, 2013. 390 p.

Noon D.H. Operation Enduring Analogy: World War II, the War on Terror, and the Uses of Historical Memory], in *Rhetoric and Public Affairs*. 2004. Vol. 7. № 3. Pp. 339–364.

Pocock J.G.A. *Political Thought and History: Essays on Theory and Method.* Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 278 p.

Rousso H. *The Latest Catastrophe: History, the Present, the Contemporary.* Chicago: University of Chicago Press, 2016. 272 p.

Said Edward W. *Orientalism.* Knopf Doubleday, 1979. 368 p.

Sean Spicer apologizes for «even Hitler didn't use chemical weapons» gaffe], in *The Guardian*. April 11, 2017. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/apr/11/sean-spicer-hitler-chemical-weapons-holocaust-assad> (accessed 18 January 2021).

Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas], in *History and Theory*. 1969. Vol. 8. No 1. Pp. 3–53.